

О. Д. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Император Николай II и Керенский

Мы печатаем эту рукопись О. Д. Добровольской как исторически ценный документ, и печатаем ее так, как она была написана. Лицо в свое время передавшее нам эту рукопись, утверждало, что рукопись эта нигде напечатана не была. Проверить это у нас нет возможности. — *Ред.*

Составлено вдовой последнего министра юстиции Императорского российского правительства зверски убиенного большевиками 19 октября 1918 года в г. Пятигорске, егермейстера высочайшего Двора Николая Александровича Добровольского, Ольгой Дмитриевной Добровольской.

В память их величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны, принявших мученическую кончину со всей своей августейшей семьей, а равно и в память мученической кончины их верных слуг, в числе которых был и мой покойный муж, считаю своим нравственным долгом перед Богом и перед людьми теперь же предать гласности все известные мне достоверные факты, коих я была очевидицей, и которые могут послужить будущему историку нашего времени для истинного освещения событий, имевших своим следствием многочисленные беды для нашей родины и разрушение, еще столь недавно Великого государства российского.

Сведения, приводимые мною здесь, весьма немногочисленны и имеют, конечно, совершенно отрывочный характер, но я думаю, что они могут быть полезны для уяснения некоторых явлений русской революции.

Мой муж министр юстиции Николай Александрович Добровольский был арестован в первый же день переворота 27 февраля 1917 г. и после краткого пребывания в Государственной думе отправлен в Петропавловскую крепость. Мы жили тогда в доме Министерства юстиции* на углу Большой Итальянской и Екатерининской.

Кажется, уже на второй день революции к нам в дом явился новый министр юстиции, видный член кадетской партии и известный своей защитой по делу Бейлиса, присяжный поверенный Маклаков¹, ныне Российский посол в Париже. Но на министерском посту Маклаков продержался день или два, не больше — и был замещен героем февральских дней Керенским, который, насколько помню, на третий день революции, явился к нам на квартиру и тотчас же приказал доложить мне, что желает меня видеть; при этом прислуга мне с удивлением сообщила, что новый министр пожимает всем руки, швейцарам, курьерам и лакеям.

Я вышла к нему и увидела человека в косоворотке** и потертом пиджаке, лет 30 от роду, с резко выраженными чертами лица, худого, изможденного и крайне нервного. За ним стояли два офицера-телохранителя, которые буквально сопровождали его по пятам. Керенский очень вежливо представился мне, сказал, чтобы я не беспокоилась за участь мужа, что он разрешает мне ежедневные свидания с ним, и затем просил меня остаться во всей, занимаемой нами, квартире, т. к. он займет для себя только рабочий кабинет моего мужа и комнату рядом как спальню. После этого он приказал собрать всю прислугу, обслуживающую наш дом, и с пафосом и жестикуляциями обратился к ним с речью, в которой просил служить мне по прежнему, указывая, что и старое правительство, арестовывая революционеров, не обижало их семейств, почему теперь новое революционное правительство должно быть в этом отношении еще более великодушным. Затем он сказал прислуге, что если она не хочет служить мне, то должна сделать это для него, после чего отпустил их.

В нашей квартире он поселился в тот же день, без жены, которая лишь приходила его навещать с детьми, двумя мальчиками. Она производила на меня впечатление ярой революционерки: сам же Керенский производил впечатление безусловно добродушного, но бесконечно влюбленного в себя человека. Через несколько дней

* Это — казенная квартира министра юстиции. — *Ред.*

** Это едва ли точно, косовороток А. Ф. Керенский, кажется, не носил. — *Ред.*

к нам в квартиру стали съезжаться бывшие политические ссыльные и каторжане, большею частью евреи, которые заняли весь верхний этаж в квартире. У нас же поселилась, приехавшая из Сибири, знаменитая бабушка русской революции Брешко-Брешковская, пользовавшаяся исключительной симпатией Керенского и целый день окруженная революционной молодежью. Она без устали проповедовала всем, в том числе и моему младшему сыну, что теперь не время учиться, а все должны ехать в деревню и заниматься там пропагандой. Жена Керенского проводила много времени среди вернувшихся из ссылки, живших у нас наверху, устраивая в их пользу спектакли, концерты, сборы пожертвований и собирала большое количество денег.

Въехав в квартиру, Керенский тотчас же распорядился убрать из всех комнат казенные царские портреты и отправить их на чердак. Принадлежащие же лично мне фотографии государя, императрицы, наследника и великих княжон, стоявшие в рамках на столиках в моей гостиной, каждое утро в первые дни пребывания Керенского в Министерском доме, я находила повернутыми. Кабинет Керенского был всегда уставлен огромным количеством постоянно меняющихся новых цветов, неизменно красного цвета. Занят был Керенский ужасно, как непрерывными разъездами, так и приемами целой толпы посетителей, осаждавших его, когда он бывал дома. Они буквально рвали его на части. Постоянно приходили какие-то депутации солдат и матросов, желавших его видеть. Он выходил к ним и объяснял, что по их делам они должны идти к тому или другому министру, но на это он обычно получал ответ, что они верят только ему и признают только его, после чего лицо Керенского озарялось улыбкой и он положительно сиял. От этого множества посетителей, большинство которых были солдаты и рабочие, приемные комнаты нашей квартиры чрезвычайно быстро пришли в невероятно грязный вид, в них постоянно стояли столбы дыма, сильный специфический запах, полы были заплеваны и покрыты окурками и шелухой от семечек.

Посреди этой простонародной толпы были и элегантно одетые посетители, причем самые элегантные и самые постоянные из этих посетителей были двое: первый из них был граф Орлов-Давыдов, известный огромным состоянием и процессом со своей второй женой артисткой Пуаре, сестрой талантливого карикатуриста Карандаша², причем, как это выяснилось на этом процессе, к великому смущению наших либералов и социалистов, шаферами на свадьбе графа были: собственный его камердинер,

латыш, и рядом с ним лидер социалистов Государственной думы Керенский. Очевидно, что их связывала какая-то очень крепкая связь.

Вторым постоянным и еще более знатным посетителем Керенского был, как это ни странно, великий князь Николай Михайлович³, ежедневно терпеливо высиживавший часами в приемной среди массы пестрого люда, чтобы дожидаться ухода последнего посетителя, после чего он входил в кабинет Керенского. Граф Орлов-Давыдов приезжал ежедневно, часто задолго до возвращения Керенского домой, причем он неоднократно привозил своего повара с большим запасом провизии, и на нашей кухне, под личным наблюдением графа, готовились те блюда, которые любил Керенский, а затем, когда Керенский освобождался от посетителей, часто уже поздно вечером, три друга, т. е. Керенский, великий князь Николай Михайлович и граф Орлов-Давыдов, садились за обед, за которым выпивалось не мало вина*. Спать Керенский ложился поздно. Перед тем, как отправиться ко сну, он призывал лакея и подробно расспрашивал его, не ночует ли кто-нибудь из посторонних в доме, особенно нет ли каких-нибудь офицеров. Затем у дверей его комнаты ложились спать для его охраны министерские курьеры, сменяя на ночь неотступно находящихся при нем в течение дня двух офицеров, телохранителей.

Как-то ночью с ним сделался сердечный припадок. Лакей моего мужа, прислуживавший ему, пришел ко мне и просил дать ему для министра микстуру из ландышевых-валериановых капель, которые всегда имелись у меня, т. к. я страдала сердцем. Я отсчитала 25 капель в полстакана воды и послала их Керенскому. Наш

* Об этих посещениях графом Орловым-Давыдовым и вел. кн. Николаем Михайловичем А. Ф. Керенского я в свое время спросил А. Ф. и он это подтвердил, причем, улыбнувшись воспоминанию, сказал о вел. кн. Николае Михайловиче: «Да, он приходил ко мне, как Никодим». Но от дальнейшего разговора на эту тему А. Ф. уклонился. Известно точно, что граф Орлов-Давыдов был видным масоном французского посвящения, состоя, кажется, в ложе «Великого Востока Франции». Судя по некоторым материалам, А. Ф. Керенский в России был в группе русского нерегулярного масонства. В эмиграции А. Ф. масоном не был. Был ли масоном вел. кн. Николай Михайлович, часто живший за границей, я не знаю. Но по его общим либеральным взглядам в этом не было бы ничего удивительного. Как известно, вел. кн. Николай Михайлович (несмотря на заступничество М. Горького за него перед Лениным) был расстрелян вскоре после октябрьского переворота. Граф Орлов-Давыдов скончался в эмиграции. — Р. Г.⁴).

лакей рассказывал мне на другой день, что когда он предложил Керенскому выпить лекарство, сказав, что его прислала я, то последний решительно отказался от этого.

Живя в одной квартире с Керенским, я встречалась с ним ежедневно, но разговоры между нами происходили далеко не часто.

Через несколько дней после переворота Керенский заговорил со мной о моем муже, а затем разговор перешел на государя, о котором он отзывался не лестно, причем стал говорить, что он удивляется, как мог мой муж, человек умный, быть преданным такому ничтожному человеку, как император Николай Второй. На это я заметила ему, что я имею по этому вопросу совершенно другие взгляды и что подобный разговор для меня тяжок, после чего Керенский тотчас же его прекратил.

Затем он куда-то уехал и вернулся только на другой день поздно вечером, я в это время была у себя и собиралась ложиться спать, как мне неожиданно доложили, что Керенский просит меня принять его.

Я сейчас же к нему вышла. Он заявил мне, что был в Царском Селе и почти все время, за эти два дня, провел с государем⁵, и что он желает поделиться со мною своими впечатлениями. Затем с какою-то возбужденностью Керенский стал мне скоро и горячо говорить, что до этой поездки он совершенно иначе рисовал себе государя и когда приехал в Царское, то думал, что встретится с жалким ничтожеством. Но вышло совершенно иначе. Керенский застал государя за распилкой дров в парке, покрытого опилками и с всклокоченными волосами. При этой обстановке он не узнал его. Но стоило государю поднять на него свои приветливые глаза, как Керенский сразу же почувствовал, кто он.

Притом с искренностью, которая меня тронула, Керенский рассказал, что он сразу понял, несмотря на скромный рабочий облик государя, что стоит перед человеком, который в духовном отношении высок. Государь спокойно, внимательно и доброжелательно поздоровался с ним и стал также спокойно и совершенно объективно говорить о текущих событиях.

Керенский, по его словам, призадумался, как к нему обратиться и хотел сказать: «полковник», но в это время он на меня так взглянул своими дивными глазами, что я невольно сказал «ваше величество»; сейчас же заметив мое смущение, государь по своей чуткости, которую я тоже понял, стал говорить со мною еще более благожелательно. Это в свою очередь еще больше заставило меня почувствовать всю ту пропасть, которая нас отделяла».

Далее Керенский, в том же страстном, но вполне искреннем тоне, продолжал свой рассказ, подчеркивая, что он вполне убедился за эти два дня, что единственно, чем был всецело поглощен государь, это своей безграничной преданностью родине и что он думает только о благе России, причем совершенно просто заявил в разговоре Керенскому, что если для этого нужна его жизнь, то он готов с радостью ее отдать. Наконец, Керенский высказал, что он должен сознаться, что государь вовсе не ограниченный и не необразованный человек, наоборот, он поразил его своим разносторонним образованием, умом и огромной памятью, осведомленностью и при всем этом обаятельностью.

Несколько раз во время своего порывистого рассказа Керенский восклицал: «Как жаль, что он был так мало популярен и так не понят, ведь нам его рисовали совсем иным».

У меня больше не было разговора с Керенским о государе, но после этого памятного вечера никто уже не переворачивал портреты государя и царской семьи в моей гостиной.

На этом я заканчиваю свой рассказ. В заключение считаю своим долгом сказать, что, несмотря на то, что после описанного вечернего признания, Керенский опять всячески стал поносить на митингах, в советах рабочих депутатов и перед солдатами царский режим, я все-таки убеждена, что он делал это по обязанности, будучи связан с теми организациями, которые выдвинули его так высоко в то время. В глубине же своей души он несомненно продолжал оставаться благожелательным к государю, что, очевидно, и навлекло на него недовольство его более левых товарищей после ссылки Царской семьи в Тобольск.

Таганрог, 22 июля 1919 г.

Ольга Добровольская

Приведу кое-какие факты, отчасти связанные с темой воспоминаний О. Д. Добровольской. В 50-е гг. Н. В. Воронович⁶ (очень близкий к А. Ф. Керенскому человек, и в 1917 г. и в годы эмиграции) рассказал мне, что после ссылки царской семьи в Тобольск в Петрограде создавалась группа офицеров, поставивших себе целью организацию побега царя и его семьи из Тобольска. Воронович рассказал, что этой группе он передал 2 миллиона рублей, полученных им от А. Ф. Керенского из «секретного фонда». Признаюсь, рассказ Н. В. Вороновича меня несколько ошеломил. Я спросил его: — «Ну, а почему же эта попытка не осуществилась?» — «Почему? Да по-

тому, что эти офицеры разворовали эти деньги и пропили». И Воронович добавил: «Если б я знал, что так будет, сам бы взялся за это дело». Помню, Воронович упоминал фамилию одного из группы этих офицеров — Марков (кажется, ротмистр). Для читателей из новой эмиграции скажу, кто был Н. В. Воронович. Он воспитывался в Пажемском корпусе, был пажом при дворе, потом служил в царской гвардии. В революцию примкнул к эсерам, был (как я уже сказал) близок с А. Ф. Керенским, В. М. Зензиновым и др. В гражданскую войну Воронович был «зеленым». Командовал отрядом «зеленых» где-то в горах в Крыму (об этом есть его воспоминания). Позднее — эмигрировал. После этого рассказа Вороновича я как-то завтракал с А. Ф. Керенским на Ист-Сайд в его любимом ресторане. Тогда у нас были хорошие отношения (мы оба состояли в «Лиге борьбы за народную свободу») и я рассказал А. Ф. о рассказе Вороновича, спросив его: правда ли это? Керенский недовольно насутился, и отрывисто сказал: «Не знаю, не знаю, ничего не могу сказать... После моей смерти мой архив будет опубликован», и быстро перешел к другим темам. Вскоре после этого завтрака я был у Ираклия Георгиевича Церетели. В его скромной квартире на Бродвей 3605 мы пили чай. Я с И. Г. был дружен, одно лето он даже провел вместе с нами в Питерсхем, Массачусетс, где много рассказывал и о своем детстве, и, конечно, о 1917 году. Надо сказать, что такого резко-отрицательного отношения к Керенскому, какое было у Церетели, я ни у кого (даже у крайне-правых) не встречал. От И. Г., былого лидера Всеросс[ийского] Совета рабочих и крестьянских депутатов и лидера меньшевиков в 1917 г., при разговоре о Керенском, я всегда слышал один рефрен: «жалкий и презренный человек». Рассказы И. Г. о Керенском мной записаны и я опубликую их в своих воспоминаниях об эмиграции — некоем «Архипелаге российского зарубежья» (Германия, Франция, Англия, Америка). За этим чаем я рассказал И. Г. то, что говорил мне Воронович, что ответил Керенский на мой вопрос и спросил его: — «Как вы думаете, это могло быть?». Я ждал, что И. Г. засмеется, махнет рукой и скажет: «Какая болтовня! какая чепуха!» Но этого не произошло. И. Г. задумался, у него это бывало иногда: прежде чем ответить на к. н. вопрос, он довольно долго молчал. Потом И. Г. серьезно и спокойно сказал, подчеркивая слова: — «Это вполне могло быть, это вполне в духе Керенского, в его стиле...» В последних словах И. Г. опять был (как всегда в разговорах о Керенском) оттенок какого-то пренебрежения. Вспоминаю еще один разговор с А. Ф. Керенским о государе и государыне. А. Ф. этой темы не любил и избегал, но как-то раз сказал: «Об интимной жизни государя мне много рассказывала статс-дама Нарышкина». А когда я спросил, что же она рассказывала, — А. Ф. ответил: «Этого я вам не скажу, как никогда и никому не повторял. Это со мной уйдет туда — в могилу». И показал пальцем вниз, на пол. Это была одна из черт сложного характера А. Ф. Керенского: хорошее воспитание, джентльменство. — *Р. Г.*

